

Татъяна Алфeрова

ДАР
ЯЗЫКОВ

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

* * *

Я знаю – откуда взялось, знаю, как это было. Каждый из нас дописывал: кто страницу, кто предложение, кто всего лишь слово. Нам казалось, что мы знаем вес слова, его плоть, его дыхание. Свист и воздух. Значение слова! Нам казалось (как всем людям, которые хоть чуть-чуть задумываются над этим), что мы управляем словами, более того – используем их, как хотим. Мы писали свои слова в воздухе.

Я уже знаю: мы ошибались. Это так по-человечески, так понятно.

Сейчас на берегу, у древнего моря, после Его голоса, я просто жду, лежа на мокрой гальке. И не хочу знать, когда мы ошиблись. Пусть будет что будет...

Ирина прислала длинную трогательно-нелепую эсэмэску – давно. Читаю, не глядя на время и дату отправления. Пора отказаться от времени, от иллюзии власти над словами, от своего «я» и просто от «я» как слова.

«Солнце еще ровно стояло прямо над головой, а наш принц не падал на шоссе, и кровь не текла – так страшно – по сухому звенящему асфальту. И мама, даже

мама, еще сидела за столом, тянула из чашки растворимый кофе, а не водку, волосы ее были аккуратно причесаны, аккуратно выглядывал из выреза пушистого джемпера с рисунком “аргайл” шелковый воротничок блузки».

Ирина права, она оказалась мудрее нас всех. Надо лишь фиксировать; записывать, а не рассуждать, оставлять штрихи, блики, пятна тени на земле. Одним словом – след. Неважно, кто его увидит. Пусть след останется. Ирина останется – это уже знаю, и это новое знание. Ирина спасла себя эсэмэской? Так получается?

А может, она не мудрее, а лишь педантичнее прочих?

ЧАСТЬ 1

Начиналось так.

1

Небольшая группа студентов и молодых преподавателей из Петербурга, довольно самонадеянно и опрометчиво называвшая себя спелеологами, решила найти свою собственную пещеру. Искать, по общему мнению группы, мыслящей согласно, как стайка уклеек, то есть практически единым мозгом на всю стайку, следовало в горах, сжимающих Черное море. Гор, присунувшихся к морю тяжелыми, заросшими кизилом и боярышником тушами, было множество. Но отправились они не к безлюдной, загадочной и неизменно пронизанной острым ветром горе Ак-Яр с ее сотнями карстовых пещер, тысячами колодцев и хитрых расщелин. Не к туманной, но светлой от известняков Ак-Яр с неизведанными тропами, а к мрачной и темной, усеянной туристами и шумными отдыхающими горе Башлангыч на границе с маленькой бывшей союзной республикой Македанием.

Им хотелось, чтобы будущая своя пещера была надежно упрятана в складках монолитного базальта горы, такого же древнего, как сама Земля. А карстовые пещеры... Что карстовые пещеры? Несерьезно, ненадежно,

недолговечно. Это же все равно как устраиваться жить в дачном фанерном домике, когда есть – есть! – свободные замки с башнями и высокими сводами. Карстовые пещеры – пустяк! Другое дело – Башлангыч, клочок первой, новорожденной суши; древний вулкан. Сквозь его жерло, носящее ныне имя Шайтан-Тишек, древний Бог говорил с Землей, и Земля устремилась Богу навстречу, взрывом извергаясь... Башлангыч, гора, внимавшая Богу, как горы Арарат или Синай.

Арарат недоступен им, как уклеякам недоступно море, но лишь реки, впадающие в него: в Черное, Каспийское, Азовское. Даже Балтийское море не годится уклеяке – холодно! Нужна вода домашняя, речная. А Синай – ну, Синай! Где его искать-то, во-первых, а во-вторых, все равно недоступен.

Про диалог Бога с Землей придумала смуглая, как цыганочка, Ирина, а все тотчас согласились и поверили. Ну, метафорически, конечно. В том, что найдут свою пещеру, они не сомневались.

Ирина много придумывала, но мало говорила, предпочитала рассылать эсэмэски или записывать, а после показывать, сжимая длинными пальцами, смартфон с мелкими буквами текста. Они бы не стали читать, напрягаться, разглядывая экран, они бы с готовностью восприняли Ирину как забавную недоделку, «недотелку», если бы не Лиза. Потому что Ирина пришла с Лизой – это раз. Нет, не так! Это Лиза пришла с Ириной. Раз – то, что Ирину привел рыжий Максим. А два в таком случае и не требуется. Что Рыжий, что Лиза – непреложные авторитеты.

Позже, через два-три месяца после знакомства, еще в Питере, до поездки, забрезжило: Ирка-то – да. Понимает, если не – даже! – знает нечто такое, что им пока

недоступно. Но уклеи́ки быстро усваивают и присваивают идеи стаи, потому что они все вместе – это они одно. Голов много, но сознание общее.

Что до будущей своей пещеры, ко всему прочему, восхождение на Башлангыч не требовало особенной физической подготовки, дорогого снаряжения и высоких спортивных достижений. Вообще-то туда даже водили экскурсии, и относительно дальние, под присмотром егерей. Если есть у человека удобная обувь, шляпа-панамы и пластиковая бутылка с водой, можно слоняться по Башлангычу с утра до вечера. С теми же егерями договорившись. За определенную плату, само собой, – заповедник!

Они и слонялись, сиречь искали. Старались вставать пораньше, выбирались из палаток, разбитых в «диком лагере» на единственном песчаном участке пляжа под мысом Биек, резко и высоко вырастающим из песка. Быстро ныряли в мелкие шипящие волны теплого залива, покуда солнце неспешно выдиралось из моря – далеко, на глубине у хрестоматийного горизонта; проглатывали вчерашнюю подсохшую булку, запивая ее кефиром или соком, и торжественной трусцой возносились к подножию горы.

При двух палатках, на хозяйстве, оставались черненькая Ирина или беленькая Лиза, по очереди. Ирина училась на филфаке, как это принято у барышень. Иногда с Ириной оставался рыжеволосый Максим, его звали Рыжик, чтобы не путать с другим Максимом, Максимом Петровичем, преподавателем философии. Но в экспедиции обходились без отчеств, и оба преподавателя, до сих пор не перешагнувших тридцатилетнего рубежа: Максим Петрович и язвительный Сергей Николаевич, – считали это само собой разумеющимся. Сергей также был философом, настоящим и будущим, и преподавателем университета.

Сергей в принципе неплохо относился к женщинам. Даже три или четыре раза неадекватно вождедел некоторых. И три или четыре раза заводил романы, не всегда с теми, кого вождедел. Женщины были заинтересованы в нем сильнее, а главное, женщины были активнее. Пусть он не красавец, но вполне ничего себе: высокий, подтянутый, с длинными мышцами легкоатлета и темными завитками на висках. Глаза серые, обычные, но брови! Чудесные густые, прихотливо изогнутые брови делали Сергея неотразимым, особенно в сумерках. Все бы у него сложилось с женщинами, если бы не печальное открытие: они, женщины то есть, оказались абсолютно и безоговорочно другими. Другой не то что расой, другим *homo*, явно не *sapiens*. Хрупкое очарование не спасало. Могло бы спасти, если бы они молчали. Но они говорили. Много. Студенткам еще можно было извинить алогичность – в юности всякая женщина подобна дикому животному, но в отличие от животного – неразумна. Только ровесницы Сергея, они еще хуже. К алогичности пристегивается апломб, самоуверенность. Одна Лиза, пожалуй, отличалась от своего клана, но Лиза странная.

Рыжий оказался чужим гуманитарному сообществу спелеологов – он был из Политеха, Политехнического института. Но зато «качался» в тренажерном зале вместе с Максимом и Сергеем. Название факультета Рыжего звучало перпендикулярно привычным формулам речи, потому никто толком не знал, какая специальность у их товарища. И никто, кроме Ирины, не знал, что «Рыжий» – это на самом деле его старое имя, немного смешное, но взрослое имя, сменившее детское и официальное «Максим».

Историк на всю компанию был один – Игорь, самый младший из них, двадцати одного года – без недели. А историк – важное лицо в экспедиции!

Беленькая, очень коротко стриженная Лиза не училась нигде, ей это надоело еще полтора года тому назад – ко всеобщему удивлению.

Блондинка Лиза была отличницей с голубыми глазами. По выживанию в том числе. Ее родителям хватило пассионарности перебраться в Питер из Ленобласти, устроиться на завод «Красный треугольник», в сажный цех подготовительного производства, где рабочие выходили после смены с черными от жирной сажи лицами, но могли бесплатно питаться в столовой, если выпадала ночная смена. Кормили в столовой хорошо, не ресторан, чего уж там, но на праздники даже бутерброды с икрой давали, а мороженое – всякую ночь. Родители успели получить лимитную ленинградскую прописку и комнату в общежитии – еще в советские времена. Успели перебраться из сажного цеха в отдел резинотехнических изделий, где было почище. И все. Их пассионарность рассосалась, как некрупная гематома. Но Лиза пошла дальше: на скандально известное реалити-шоу «Двери настежь» столичной, а не заиндевело́й, отстающей от жизни питерской телепрограммы. Пошла прямо с третьего курса филфака.

Как отличница она выучила некоторые повсеместно действующие правила, могла сообразить, к чему приведет их соблюдение или нарочитое отрицание, и просчитывала, когда наступает время нарушать нормы; как пассионарка и дочь пассионариев – без страха перла вперед. Правило отличников: повторять по образцу. И Лиза некоторое время держалась этого, помня, что правила не навсегда.

Она твердо знала: в шоу на телевидении главное – картинка; разговоры, болтовня участников – это так, сопутствующий шум. Заявленная цель передачи «Двери

настежь» – создавать пары из пробившихся (лучше с уточнением – пробившихся из «глубинки») на шоу участников. В идеале – свадьба, воздушные шарик, крупный денежный приз. Приз волновал, воздушные шарик – нет, отношения пар были, вернее, лежали во главе угла и ежедневно, порой несколько раз в день обсуждались ведущими и всеми участниками до тошноты. Сколько можно изобретать поводы для обсуждения, они одни и те же, одни и те же, где другие-то найти? Лиза рано вставала, чтобы успеть привести в порядок лицо и волосы, постоянно помнила, что в кадре, готова была на камеру принимать душ и переодеваться. Картинка важна!

У нее были длинные вьющиеся светло-русые волосы. Выпрямила и покрасила в холодный платиновый цвет перед кастингом на шоу. Оказавшись внутри передачи, Лиза обнаружила, что блондинок с долгими косами, даже натуральных блондинок, перебор. Но брюнетки, несмотря на меньшинство, успехом не пользовались. Большая часть женского состава телешоу щеголяла роскошными светлыми волосами, как правило, распущенными. Многие вложились в прическу, нарастили необходимую длину, хотя это стоило дорого. Участницы без конца играли своими прядями, оглаживая, пропуская сквозь пальцы, перекидывая на грудь и за спину; от однообразия действий многих это выглядело совсем уж типично, вульгарно. И Лиза остриглась. Очень коротко, чуть не под машинку. И сразу выгодно отделилась от прочих. Стрижка ей шла, делая и так тоненькую, как ореховый прутик, Лизу еще изящнее.

После стрижки на нее клюнули сразу двое участников. Первый был огушительно хорош собою, и Лиза тотчас уединилась с ним на камеру.

– Тебе было не страшно (имея в виду – не стыдно)? – бестактно спрашивала единственная подруга – Ирка – из далекой обычной и реальной суеты за экраном телешоу.

Лиза полгода до того, как ввязаться, смотрела это реалити-шоу, знала, что участникам положено демонстрировать секс под одеялом, одеяло в таких случаях служило подобием мягкой стыдливой цензуры. Но сексом под тем стыдливым одеялом можно было и не заниматься по-настоящему (это уже оголтелая реальность), можно симулировать – а как иначе, если не хочется?

Первый подвел. Брутальный, холерный, он искал оправу своей неотразимости и отражал все активные натуральные атаки Лизы шепотом в самое ухо:

– Осторожнее, волосы не трогай, только от парикмахера! Перевернись, жопа, ты меня перекрываешь в кадре!

Обнимая Лизу, он смотрел на свои руки, проверял, отчетлив ли бицепс при объятии в таком ракурсе. Мужское достоинство его при объятии, напротив, было неотчетливо, невнятно было, но это Лизу не взволновало, она быстро переметнулась ко второму.

Второй поплоче внешне, но не так самовлюблен. Опрятный порядочный второй, хорошая базовая основа для того, чтобы перекантоваться в «Дверях настезь» не месяц, когда держат «за харчи» без зарплаты, а солидное время. И заработать: начиная с третьей недели платят-то ничего себе. Главное – удержать интерес к себе, к своей паре, но не проштрафиться до санкций, тянуть интригу от недели к неделе: неудачников выгоняют общим голосованием участников и телезрителей под выходные. Лишняя неделя – чуть не полугодовая родительская зарплата.

– Они же обо всем договариваются! Все эти любови-ревности-драки, всё по сценарию, по сговору! И секс по

сговору! – предупреждала наблюдательная наивная Ирка. Она, трусиха, никогда бы не пошла публично лицемерить, тем более обнажаться под незримым тщательным и враждебным оком столичного телеканала, хоть и не самого популярного.

Смуглянка Ирка тем и хороша, что трусиха по мелочам. Это помогает и поддерживает в быту, что есть, то есть. Потому как чувствуешь себя много увереннее рядом с такой подругой. Лиза тоже была наивной в свое время, но у Ирки судьба против нее – малина, пусть и без взбитых сливок.

Со вторым поклонником из шоу – пусть второй зовется просто В. – отношения зашли благополучно далеко: их заселили в «семейную» отдельную комнату. После того, как они на камеру симулировали обоюднo счастливы́й секс на качелях во дворе. У В. даже довольно долго держалась эрекция, что было камерой зафиксировано (под пледом), передано жаждающим у экранов телевизора дамам-сорокопяткам и стало решающим доводом за заселение. Телезрители на сей раз принимали участие в голосовании, и Лиза задним числом порадовалась, что не успела набить рыбку на бедро, татуировки не всегда приветствовались зрителями.

«Ты как?» – Ирка слала эсэмэски.

«Отлично! В. люблю – не могу! (смайлик)». – Лиза надеялась, что Ирка сообразит: администраторы могут прочитать их эсэмэски.

– Лиза, давай активнее шевелись, вам надо с кудрявой Ольгой поскандалить, – шептал «за балдахином» в спальне «семейной» комнаты – вне зоны камеры – В., уже после натурального, к слову сказать качественного, секса. – Видишь же, что Ольга меня домогается! Домогается при прочих участниках, при свидетелях под каме-

ру, что самое главное! – В. целовал ее колени вдумчиво, философски методично.

В «семейной» комнате пахло неважно, сколько ни проветривай. Сыростью, плесенью, отхожим местом из неправильно установленного септика – его труба прямо под окном. Осенью, когда включают отопление, не должно так вонять. Должно просохнуть! Или замерзнуть. Но запах в кадре не ощутим. А если этот запах навсегда?

– Я лучше разденусь на камеру, – смеялась Лиза. – Что твоя Ольга? *Кругла, красна лицом она...*

В. не отзывался на цитату:

– Лиза! Главное здесь – трендеть, от слова «тренд» – это тренд передачи. – Он злился и помогал своей речи обеими руками, но жестикуляция неточно отображала доносимое. – Хоть истрахайся в прямом эфире, если не умеешь скандалить, не можешь натурально изобразить конфликт – не удержишься. Мы не удержимся! Мы оба, раз объявили себя парой! А пока я буду *улыбкой Ольги ободренный, развитым локоном играть иль край одежды целовать* – ни с кем из участников не сходишь! Ольга – это вариант резиновой женщины, но без реалити-шоу не катит. Полгода, не больше – потерпи ситуацию с Ольгой! Кучу бабла срубим, я сам спровоцирую конфликт, только молчи, лицо делай в нужный момент нужное. Через полгода сыграем конфликт-воссоединение, уже в паре поработаем. Отличный ход! Ты можешь, детка, знаю, что можешь!

Почему-то торговать, пусть условно, собой Лизе казалось нестыдно, а вот своим, пусть условно, мужчиной – как-то нехорошо. В чем разница? Деньги те же!

«Лиза, это ужас! Со стороны видно – вы специально играете любовь, играете драку!» – истерила эсэмэсками

Ирка после скандальной сцены: проклюнувшаяся соперница Ольга попыталась вцепиться Лизе в коротко стриженные волосы, доказывая в общей кухне свое право на В. Но Лиза оказалась шустрее, Ольга поскользнулась, упала, ее золотой локон (наращенный, драгоценный) повис на ручке холодильника.

По заявленным правилам передачи после драк в прямом эфире удаляли провинившихся, зачинщиков, тем более участники на общем голосовании высказались против Ольги. Та, обычно рыхлая и невнятная, как *эта глупая луна на этом глупом небосклоне*, явила недожинную энергию движений и колоссальный запас относительно нормативных ругательств. Отыграла конфликт, как мотыльку из кокона вылупиться. Участь Лизы была решена, сработали негласные правила, и Ольгу оставили волевым решением ведущего проект.

– *Любви мы цену тем умножим*, – шептал В., – когда расстанемся сейчас, соединение *отложим...* Ты видишь: *добрый твой приятель!* Ложь не прокатывается здесь. А я прагматик, не мечтатель, и должен выложиться весь. Не мчись, голубка, за периметр, полгода с Ольгой проскриплю, пока проект еще не вымер, пока сочтется телевыми, и я тебя теле-люблю.

Лиза внимала правилам с лету: *кого ж любить? Кому же верить? Как рано мог он лицемерить?* Она проиграла, потому что играла. А в реалити-шоу не играют, торговать следует живым. Или уж быть первоклассным актером. Лиза оказалась не готова, но не жалела о том, она ни о чем не жалела – некогда. Но проиграла она не сейчас – позже, через много-много недель. А пока позвонила Ирке, попросила не слать сообщения, на которые нельзя отвечать честно.

За полторы недели под мысом Биек участники экспедиции дочерна загорели, кроме Лизы, та считала, что загар ей ни к чему. Запомнили и узнавали в лицо всех окрестных собак и кошек, и даже большинство разносчиков пахлавы, вареной кукурузы и лимонада. Искупались в каждой из прилегающих к заливу бухточек. Два раза посидели в ближайшем ресторанчике на дастархане и не нашли в том ничего приятного или полезного. Обнаружили место, где продается действительно вкусное вино, и место, где можно пообедать за копейки, не стоя в очереди. Домовитый Рыжий с темноволосой сдержанной Ириной безупречно освоили передвижное и переносное хозяйство и могли за полчаса организовать почти настоящий шашлык на мангале из кирпичей, подобранных на набережной. Игорь нашел какие-то весьма ценные, как он уверял, камешки, невзрачные с виду. Лиза зачем-то начала называть юного Игоря Гариком.

А еще они научились договариваться с горными егерями, выучили график их обходов, когда те отлавливали беспечных туристов, контрабандой или нечаянно забредающих в заповедные зоны. Они обтоптали множество троп Башлангыча, обследовали окрестности разрекламированной пещеры Кара-Тау. Но своей пещеры не нашли. Не было такой пещеры или пещерки, где не встречались бы следы предыдущих посещений, не было.

Вечером экспедиция передвинулась на галечный пляж, где море было чище, без взвеси песка, и сидела на теплых камешках, спиной к Башлангычу, правым плечом к морю. Отчетливо пахло водорослями и маленькими крабами, снующими по гальке боком вперед на ножках, покрытых

зеленоватыми доспехами. Большой Краб, то ли низенькая гора, то ли мыс, замыкающий залив с севера, резво наливался фиолетовым цветом, волны несли мятую пену, откатываясь дальше, чем вчера, – в море начинался шторм. У красного вина, купленного в хорошем, правильном месте, прорезался отчетливый кислый вкус, вчера они его не замечали.

– Этот напиток пора переводить из среднего рода в женский: не вино, а вина, – заметил Сергей, играя своими выдающимися бровями. – Адам, давая имена, другим замыслил вкус вина.

– Не умничай! – непонятно с чего рассердилась Лиза. Она поймала краба и палочкой пыталась направить его прямым курсом. Краб тоже сердился, раскрывал крохотные клешни и упорствовал в движении боком.

– Но Адам дал названия только зверям! – наивно возразил юный Игорь-Гарик. – На первом общем языке.

– А кто же назвал все остальное?

Лиза резко повернулась к Игорю, ее незагорелое тело засветилось гневным перламутром под заваливающимся в море солнцем. Ирина быстро схватила малютку краба, переставила подальше от Лизы. Краб, не будь дурак, рванул к морю. Боком. Боком получалось быстрее.

– Общего языка не может существовать в принципе, – занудливо начал Максим, который Петрович. – Даже в переводе не существует единого понятия какого-либо слова. Для англичанина вино – это херес, для португальца – портейн, француз при слове «вино» представляет бордо или бургундское. – В косых лучах стало заметно, что у Максима наметились залысины, а нос с возрастом наверняка устанет и повиснет, устремляясь к верхней губе. Но это Ирина, разглядывавшая Максима, уже сочиняла, раздражаясь.

– А я думаю, что херес для англичанина – это херес. – Ирина выступила неожиданно для прочих. – И далее по списку!

– Херес для англичанина – это шерри, – уточнила Лиза. Поискала глазами краба, не нашла, переломила хрупкую палочку и отшвырнула обломки.

– Шторм продержится неделю, – глядя на море, уверенно сказал Рыжий. – Еще и дожди зарядят. Так всегда в первую неделю сентября. Как раз, когда непогода закончится, нам и уезжать. – Помолчал и добавил, как будто и так не ясно: – В дождь на гору не полезешь. Осыпи, да... Свернуться недолго. Не нашли мы свою пещеру. – И обернулся к Ирине: – А ты, детка, если берешься спорить, учись аргументировать!

И они поругались на ровном месте, при всех.

Смуглая Ирина, среднего роста, с высокими скулами и серо-зелеными глазами, казалась симпатичной, но заурядной, пока не улыбалась. Улыбка – невероятная, так открыто улыбаются только дети – мгновенно преображала ее в ослепительную красавицу. Но сейчас Ирина поджала губы, длинные вечерние тени падающего в море солнца словно состарили ее, показали, какой она станет позже – если не будет улыбаться.

Максим-философ с Игорем поднялись, не сговариваясь, и отправились в поселковый магазин за булочками к завтраку, днем поленились сходить, ограничившись вином и персиками. Сергей, не выносивший публичных сцен, еще раньше ушел бродить по цивилизованной, уже подсвеченной разноцветными огнями набережной, наблюдать местные нравы, вскидывать брови. Рыжий плавно покачался с носка на пятку, отвернувшись к морю, пожал плечами и пошел куда-то вон.

– Мужчин не следует принимать всерьез. – Лиза хихикнула, покрутила изящной, гладкой, как галька, светлой головкой. – Ты, душа моя, слишком трепетно к Рыжему относишься, смотри, сядет тебе на шею – сломаешься.

Я не стану ругаться еще и с тобой, решила про себя Ирина, а вслух сказала обратное своему решению:

– Оно и видно, что ты не принимаешь всерьез. Удивляюсь только, как сама не сломаешься: говорят же, что Болливар не вынесет двоих. – Ум Ирины определенно был не в ладу с речью, не с сердцем. Какое ей дело до Лизиних отношений с Максимом и юным Игорем, если их устраивает такой треугольник, что соваться? Лучше крабов спасать от прямохождения.

Лиза-Лиса засмеялась, не обиделась:

– Какая ты сегодня правильная! Еще больше, чем обычно. Повздорила с Рыжим – наплевать, бери Сергея, в пандан. Они даже похожи, правда, Рыжий brutальнее, зато Сергей остроумнее. Вот и будет у нас, у каждой, по паре мальчиков: симметрично, позитивненько.

– Ненавижу уменьшительные суффиксы! – отозвалась Ирина. – Тебе не жалко Игоря? Закрутишь его... Он же маленький еще, наверняка страдает. Ладно Максим, у него жена в городе...

– Душа моя безыскусная! – Лиза все же разозлилась, но без огонька, лениво. – Это я, я буду страдать, если сама о себе не позабочусь. А Гарик-Игоречек с Максимом Петровичем радуются. Строго по очереди. Если тебя так все раздражает, посиди-ка завтра на хозяйстве вместо меня, передохни у моря от нас от всех. А я лучше на гору сбегая, вдруг больше не придется.

Лиза забралась в палатку, сердито уснула и не слышала, как вернулась мужская часть экспедиции, также поцапав-

шаяся меж собой без причины. И уже не было у них одного ума и одного настроения на всех, как у стайки уклеек, и всякий спал врозь и раздраженный.

3

До Рыжего у Иры жизни почти не было, а были мама и 8 марта – самый страшный день в году. Ира может полгода не покупать булочек в школьном буфете, накопить денег на серьезный букет и подарить маме, и полдня будет все хорошо, и мама будет улыбаться, ставя букет в парадную вазу с гранеными ромбами. Но после обеда мама пойдет в ванную – ненадолго, выйдет с розовыми щеками и спросит:

– Ногти отратила, как взрослая, а отвечать за себя как взрослая не можешь? Посуду помыть не можешь? К 8 марта посуду помыть не можешь? Я кого спрашиваю?

Ира промолчит. Она вымыла посуду, но мама, наверное, про кастрюлю, в которой еще остался суп, правда, немного. Мама выливает остатки супа в раковину, кидает кастрюлю на пол. Об линолеум это получается негромко, но кусочек эмали все же отскакивает, Ира видит: кастрюля страдает. Мама снова уходит в ванную комнату, на сей раз на полчаса.

– Работаю, как проклятая, и дома покоя нет! Бардак! Всем наплевать! На все! – Мама рыдает, падает на кровать.

Ира включает телевизор – напрасно. Мама выдергивает шнур из сети, опять наведывается в ванную и нетвердыми шагами направляется к кровати. Она будет спать до завтра. Ира знает, что в ванной, под ванной, лежит пустая бутылка (или две) из-под мадеры, но не станет убирать – это еще хуже, мама поймет, что дочь заметила

бутылку. Надо дожить, доспать до завтра. Завтра будет плохо: запах валокордина, лихорадочная уборка квартиры, как мама говорит «из-под палки», но будет чуть лучше, чем сегодня.

Через несколько лет после маминой смерти Ира найдет ее дневники и узнает, что как раз 8 марта от мамы ушел муж. Отец Иры – наверное, Ира не знает, мама не написала, кто отец ее ребенка.

Рыжего любили женщины. У него переливчатые глаза зверя: рыси или амурского тигра, а движения тела так же вкрадчиво плавны, как эти переливы желто-коричневого в радужке глаз. Казалось, вот он, рядом, пристально смотрит на тебя своими карими, темными, слушает, склонив голову. Но не успеешь договорить, а Рыжий уже у дверей – скучно ему стало или торопится куда. И за нечеловечески грациозными его скупыми движениями вот-вот поймашь графику зверя, крадущегося по твердому насту меж невысоких елей – иначе, по затертому паркету университетской аудитории, по проходу, где слева желтенькие столы из ДСП, а справа раскрошившаяся унылой масляной краской стена.

Неудивительно, что Рыжего любили женщины. И он их тоже – до определенных пределов. А пределы отчего-то обозначались скоро и беспощадно.

– В Патрик-паб мы ходить не будем. И ты ходить не будешь. Там Лилька.

– Ну и что?

– Ну и то! Мне неприятно.

Delete.

– Ты свозишь меня на Мальдивы?

– Что так пафосно? Может, на дачу на рыбалку?

– Я дорогая женщина, милый! Шучу, конечно, поехали на дачу!

– Поздно на дачу, дело к ночи.

Delete.

– Ой, какая у тебя симпатичная квартирка! А где ванная? Фу-у, какой дезодорант, здесь родителями пахнет...

Delete.

– Я так тебя люблю, так люблю! Мы вечно будем любить друг друга? Вечно? Вечно?

Delete. Delete. Пробел. Delete.

– Твой кот обоссал мои кроссовки!

Delete.

– Родители нескоро вернутся? Сварю борщ, тебе понравится! В понедельник вернутся? Ну, мы же их вместе встретим?

Delete. Delete.

Первый *delete* Рыжий отщелкнул, когда учился в выпускном. Конкретной причины не случилось, но барышня из параллельного класса явила себя такой махровой занудой, что даже интим с ней (довольно неуклюжий) не спас ситуацию. Однако Максим счел себя обязанным проводить барышню из подъезда на улицу, чтобы заодно и наверх освободить свою территорию.

На обратном пути его судьба определилась, но Рыжему об этом пока не сообщила, решила приучать потихоньку. У мусоропровода с заваренной соседом-сварщиком крышкой – от крыс и тараканов, чтобы не лезли, сидела соседка-малолетка. Она истово шмыгала носом – ревет, что ли? – нет! – уставилась на Рыжего сухими сердитыми глазами без намека на обожание. Он-то считал, что девчонка влюблена в него, краснела же, когда встречались на лестнице.

– Отчего же ты плачешь, красавица? Или это мне только чудится?

Девчонка не ответила, но не отвернулась, и Максим Рыжий пожалел ее, хотя был не расположен к сочувствию.

– Хочешь пирожных? – На кухне остались не съеденные после визита «параллельной» зануды. – Пошли, угощу.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА